

С. Б. КРИХ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: НАЧАЛО¹

Дается оценка первой обобщающей монографии по истории институтов советской исторической науки, появившейся в постсоветский период². Новизна методики, тщательная работа с редкими документами, уважение к предшествующей традиции характеризуют новую книгу. Недостатки работы вызваны её пионерским характером.

Ключевые слова: научные институты, советская историография, довоенный период

Институциональной историей советской историографии доселе занимались мало. Во-первых, потому что это трудно. Сведений много, они рассеяны по разным архивам – столичным и провинциальным (а теперь и зарубежным), состояние их далеко от идеала – особенно для периода организационных экспериментов в ранней советской науке; соответственно, начало истории иной институции хранится в одном архиве, продолжение в другом, а окончание может и вовсе быть потерянным. И в то же время сведений мало, источники говорят вразнобой и о разном, малоинформативность добытой из них простейшей статистики переплетается с необедительностью советских автобиографий, хаосом деловой и частной переписки и как бы избыточной эмоциональностью мемуаров. Вступая в это пространство с целью хотя бы минимального обобщения материала, исследователь рискует, что его обобщения могут оказаться дезавуированы каждой новой порцией обнаруженных источников.

Во-вторых, потому что это скучно. Мало какой учёный ум в наши дни может удовлетвориться составлением каталога, а прорыв к смыслам из-за частокола однообразных фактов предстаёт почти нереализуемой задачей. Создание, функционирование, объединение и упразднение институтов – это не анализ научных споров или перипетий жизненного пути историка, здесь сложнее увидеть сюжет, без которого историографический нарратив впечатляет так же мало, как исторический. Между тем, «скучное» в науке нередко означает классическую ситуацию неисследованного поля – оно не изучено не потому, что его никто не видит, а потому что никто не знает, как его освоить. И поскольку неудача на этом пути гораздо вероятнее даже малого успеха, тем важнее оценить любое достижение в сфере истории институций. Именно поэтому небольшая книга, написанная коллективом историографов из Омского

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-09-00125а) «Унификация нарратива в советской историографии всеобщей истории: трансформация взглядов и научное творчество».

² Груздинская, Ключев, Метель 2018.

государственного университета, заслуживает отдельного разговора. Её основные достоинства – тщательная проработка источников, внимание к прешествующей традиции, методологические новации.

В книге шесть очерков и два приложения. Первый очерк освещает этапы становления институциональной структуры, второй посвящён институтам, занимавшимся изучением древности, а следующие три – Институту красной профессуры (ИКП), Обществу историков-марксистов и Институту истории Коммунистической Академии. Шестой очерк посвящён вопросу границ исследовательской свободы советского историка 1920–1930-х гг., рассматриваемому с точки зрения институциональной структуры. Приложения: «Словарь советских научно-образовательных учреждений исторического профиля (1920–1930-е гг.)» и «Кадровый состав Института истории РАНИОН, Института истории Коммунистической академии и Института истории АН СССР».

Внимательный читатель немедленно задаст вопрос: почему в книге наличествует отдельный очерк об институтах, изучавших древность, но нет подобных очерков, которые касались бы средних веков и Нового времени? При том, что деление на три эпохи не является удовлетворительным для ранней советской науки, которая искала истинно марксистские характеристики периодизации прошлого, дальнейшее следование единой логике в виде ещё двух очерков стало бы важным шагом вперёд в изучении проблемы. Если этот недостаток монографии и нельзя обернуть в достоинство, его можно непротиворечиво объяснить: дело в том, что вопросы функционирования структур, изучавших древнюю историю продвинулись в последнее время (в книге подчёркнут вклад А.М. Скворцова и С.Г. Карлюка – с. 46, прим. 3), при этом сравнительно небольшая численность антиковедов и историков классического Востока в раннесоветский период позволяет охватить вопросы функционирования учреждений в одном очерке; историография Нового времени требует отдельного (и совсем не очеркового) исследования. Поэтому можно говорить о том, что именно ответственность авторов предотвратила их от того, чтобы пойти по пути более легковесного обзора. Зато те очерки, которые представлены в книге, можно характеризовать как появившиеся в результате интенсивной работы и с уже опубликованными источниками, и – в особенности – с теми, которые прежде не были введены в научный оборот. Перечисление основных столичных научных архивов, полагаю, не будет само по себе впечатляющим для читателя этих строк, но, при ознакомлении с книгой, он сможет увидеть глубину проникновения в материал, выразившуюся в умении построить связные рассказы из отдельных, иногда поодиночке ничего не значащих данных. То, что сейчас можно характеризовать как достижение, через некоторое время станет, как и должно быть в науке, обыденностью, но насколько проще теперь будет работать тем исследователям, которые пойдут дальше!

Ответственная работа с источниками дополняется образцовым отношением к предшествующей традиции изучения институций. Даны краткие обзоры и оценка советских и постсоветских исследований, и все они внимательно и в то же время критически используются при рассмотрении конкретных сюжетов. Авторы избегают гиперкритицизма в отношении предшественников, и иногда формулируют даже весомые претензии к результатам их работы в исключительной дипломатической манере, но это вопрос стилистических предпочтений – по крайней мере, я не могу назвать в монографии ни одной оценки работы советского или постсоветского автора, с которой нельзя было бы согласиться по сути.

Всё это дополняется предложенной методологией анализа, которая сводится к нескольким стадиям работы: деконструкция стереотипов, выработанных на предшествующих этапах изучения; обсуждение и апробация релевантности методик анализа институций; применение наиболее обоснованной методики и попытка построения нового видения предмета³. Благодаря деконструкции авторам удаётся показать, что многие воззрения на историю советских институций были выработаны ещё в советское время под воздействием привходящих обстоятельств, а в постсоветский период оказались некритически восприняты. Обсуждение методик анализа даёт возможность показать читателю, как действует «исследовательская лаборатория» самих авторов (с. 108–111). Такая открытость задаёт высокий стандарт работы уже при использовании собственных методик: так, очевидно, что отказ от статистических методов при анализе кадрового состава Института истории Комкадемии в пользу просопографии означал элементарно больший объём вложенных усилий при перспективе получить малосопоставимые итоговые данные, однако в результате авторам очерка удалось вместо изложения формальной структуры этой организации предложить деление, которое отображает реальные различия в статусах учёных той поры. Его теперь можно обсуждать и оспаривать, но оно уже даёт возможность говорить о функционировании учреждения не только в описательном, но и в аналитическом ключе. Соответственно, выход в пространство обобщений даёт возможность авторам связать их отдельные наблюдения с развитием советской исторической науки. Среди этих выводов особенно следует отметить поданный в качестве одного из центральных: прямой диктат науке со стороны властных структур был в реальности затруднён и малоэффективен (С. 134), чаще всего не мог касаться частных вопросов; гораздо большую роль в воздействии на учёных играла «общая интеллектуальная атмосфера эпохи» (С. 142).

³ В учебном пособии, вышедшем лишь немногим ранее, методология более традиционная и менее удачная. См. Груздинская, Метель 2018. С. 13–14. Зато в пособии даны более смелые оценки предшествующих работ: Там же. С. 8–9.

Означает ли всё вышесказанное, что книга лишена заметных недостатков, а с её основными выводами следует безоговорочно согласиться? Ни в коей мере. Проблемные точки исследования тоже показательны, и можно было бы, следуя заношенному афоризму, объявить их не более как продолжением достоинств, но в некоторых аспектах сказалась, на мой взгляд, обычная недоработка – из тех, про которые в советское время говорили, что при втором издании их следует обязательно убрать. Таков, например, ляпсус, согласно которому «на кафедре истории древнего мира (МГУ – С.К.) к концу 1930-х гг. был подготовлен учебник по истории древнего мира под редакцией В.С. Сергеева» (с. 69): учебники по истории древнего мира до войны издавались только для школ (но таковой редактировал А.В. Мишулин), а В.С. Сергеев был автором (не редактором) отдельных учебников по истории Древней Греции и Древнего Рима. Там же сообщено, что основная работа историков древности получала «своё воплощение в журнальных статьях, диссертациях и монографических изданиях» – и это вновь искажение информации, порождённое поспешностью: монографии по древней истории в довоенный период были редкостью, говорить об их появлении в режиме перечисления совершенно неуместно.

Иногда авторы без достаточных на то оснований отступают от собственной методологии – точнее, не следуют ей до конца. Так, очерк об ИКП начинается с деконструкции исследовательских стереотипов – и вскоре заканчивается указанием на сложность предмета изучения. Никто не спорит с тем, что человеческие силы и научная выдержка небезграничны, но такое обрывание анализа допустимо для статьи и совсем не пристало структурной единице монографии – не важно, названной частью, главой или очерком. Беря в руки монографическое исследование, читатель вправе ожидать не только интересной постановки вопроса, но и ответов; тем более, что в других очерках эта задача решается в пользу полноты повествования.

Положительно следует оценивать отказ авторов от виктимизации советских историков – и разные были среди них персонажи, и потери исторической науки от «чисток» шли в одном ряду с такими же потерями во многих других сферах советской жизни. Тем не менее, о влиянии репрессий сказано слишком мало (С. 67, 71), в то время как они прямо связаны с институциональной историей: выкашивая кадры, репрессии сковывали волю оставшихся, подталкивая их к шумному выражению лояльности и при этом заставляя избегать любых серьёзных решений в сфере кадровой политики или планирования исследовательских тем; возможно, они ускоряли и бюрократизацию научных структур – чтобы была возможность планом, пресловутыми «бумажками» прикрыться от гневного взора начальства. Если даже у авторов иное видение этого вопроса, его тем более стоило выразить более ясно.

Наконец, заметна неуверенность в использовании институционального анализа. С одной стороны, очевидно, что при написании истории институций нельзя игнорировать ни биографические данные, ни труды самих учёных, и обсуждение вопросов, связанных с восприятием институтов людьми (например, мемуаристами) или тех, которые касаются важных «точек сборки» науки в целом (например, принципиальных дискуссий), должно включаться в целостное повествование. С другой стороны, не так просто найти баланс и не начать цитировать воспоминания просто ради «оживления» рассказа. Так, не выглядит полезной (по крайней мере, обратное не доказано в тексте) пространная цитата из воспоминаний И.М. Дьяконова о состоявшемся в июне 1933 г. докладе В.В. Струве, с которого началось утверждение представлений о древневосточных обществах как рабовладельческих (С. 61–62); формально цитата приведена для того, чтобы показать, что Дьяконов как мемуарист не разделял мнения К.М. Колобовой о том, что Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) была комфортной площадкой для дискуссий – но содержание цитаты не выполняет эту задачу, цитата говорит о другом. Никак не работают на развитие идей книги сведения о том, какими лекторами были работники кафедры древней истории МГУ (с. 67–68) – тем более, что сведения эти отрывочны, и сопоставить их не с чем. Несколько более обосновано цитирование мнения П.Н. Милюкова о М.Н. Покровском как историке (С. 114–115), которое призвано показать, что лидер советских историков не стремился помогать оставшимся в России «буржуазным» учёным в сложных ситуациях 1920-х гг., хотя ясно, что эмигрировавший Милюков вряд ли осознавал всю замысловатость конфигурации отечественной исторической науки, сложившейся в первое десятилетие после 1917 г.

В связи с этим хотелось бы внести свой вклад в дело деконструкции стереотипов. Дело в том, что в тексте монографии периодически возникает не только противопоставление «буржуазных» и «марксистских» историков, но даже обозначаются имена, которые разделяются по этому принципу; правда, иногда говорится об учёных, которые «были далеко не марксисты, хотя открыто и не выступали против данного учения» (С. 117)⁴. Тем самым, можно предположить, что авторы готовы выделить ещё некоторую промежуточную ступень между двумя обозначенными ими группами. Но, на мой взгляд, и этого недостаточно. Современники лучше понимали ситуацию, видя, что эта характеристика – динамическая, и сегодняшний «немарксист» завтра уже мог быть «изучающим марксизм», а послезавтра – критикующим других за его неправильное (недостаточное) понимание; точно так же и преданный

⁴ Это при том, что разделение научных центров на «старые» и «новые» авторов определённо не устраивает (с. 22).

марксист мог быть объявлен – речь, конечно, уже о 1930-х гг. – предателем, вредителем, «недобитком». Что существенно, научные позиции и содержание публикаций в этих процессах играли глубоко вторичную роль. При этом и само видение марксистской теории претерпевало в эти годы существенные трансформации – можно было не изменить ни слова в написанном и за короткий срок «деградировать» от марксиста до сторонника «махрового модернизатора» М.И. Ростовцева. Поэтому сама идея разделения советских историков указанного периода по принципу близости марксизму представляется мне дискуссионной.

Иногда, напротив, стремление к целостности повествования провоцирует на возрождение стереотипов. Справедливо отвергая стереотип о 1917 г. как грани, после которой вскоре (как бы сама собой) начинается советская наука, авторы, однако, стремятся показать, как к 1941 г. многие процессы уже были завершены: достигнута научная конвенция в смысле основ видения исторического процесса, обретены «устойчивые институциональные очертания» (с. 72-73). Могу ошибаться, но то и другое произошло после войны, конкретно даже в начале 1950-х гг. Предположу, что 1950-й год был бы гораздо более обоснованной нижней границей исследования (перевод Института востоковедения в Москву).

Тем не менее, указанные недочёты свидетельствуют не о провале избранного авторами пути, а о его начале. Подводя итог, могу сказать, что рецензируемую монографию никак нельзя назвать созданной в русле научной моды, но если ей удастся эту моду сформировать, то это станет ещё одной из её заслуг.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Груздинская В.С., Ключев А.И., Метель О.В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск: ИЦ КАН, 2018(a). 171 с. [Gruzdinskaya V.S., Klyuev A.I., Metel' O.V. Oчерki istorii institucional'noj struktury sovetskoj istoricheskoy nauki 1920–1930-h gg. Омск: IC KAN, 2018(a). 171 s.]
- Груздинская В.С., Метель О.В. Институциональная структура советской исторической науки (конец 1910-х – вторая половина 1930-х гг.). Учеб. пособие. Омск: ИЦ КАН, 2018(б). 104 с. [Gruzdinskaja V.S., Metel' O.V. Institucional'naja struktura sovetskoj istoricheskoy nauki (konec 1910-h – vtoraja polovina 1930-h gg.). Омск: IC KAN, 2018. 104 p.]

Крих Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; krikh@rambler.ru

Institutional historiography of the Soviet period: the beginning

This review provides an assessment of the first generalizing monograph on the institutional history of Soviet historical scholarship which appeared in the post-Soviet period. The novelty of the methods, careful work with rare documents and respect for the previous tradition characterize the new book.

Keywords: scholarship institutions, Soviet historiography, pre-war period of Soviet history

Sergey Krikh, Dr. Sc. (History), Professor, Department of World History, Omsk State University named after Dostoevsky; krikh@rambler.ru